

ется наиболее опасным проявлением наркотизма и служит питательной средой для наркомании. Во-вторых, значительная часть преступлений совершается лицами, находящимися в состоянии наркотического опьянения, либо лицами, стремящимися достать средства на приобретение наркотических средств. В-третьих, незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов как вид криминального предпринимательства приносит большую прибыль, а поэтому является одним из видов деятельности, на котором основывается и воспроизводится организованная преступность. И, наконец, наркотизм способствует развитию коррупционной преступности, так как наркобизнес нуждается в поддержке и прикрытии со стороны государственных органов, прежде всего правоохранительных.

Проституция как одно из негативных общественных явлений существовала на всех этапах развития человечества. Термин «проституция» имеет латинское происхождение и означает «выставлять для разврата, бесчестить». В литературе имеется большое количество определений проституции. Так, в словарях проституция определяется как продажа своего тела с целью добыть средства к существованию, обесчещение, осквернение, продажа женщинами своего тела, систематическое вступление в половую связь с разными лицами с предварительной договоренностью об оплате за это, т. е. торговля своим телом как объектом удовлетворения полового инстинкта.

Из сказанного следует, что проституция – это негативное социальное явление, заключающееся в систематическом вступлении в половую связь или совершении иных сексуальных действий за материальное вознаграждение.

Связь проституции с преступностью состоит в криминальном характере действий, сопутствующих проституции (сводничество и содержание притонов), противоправном характере самой проституции, являющейся одной из детерминант преступности, а также в том, что образ жизни лиц, занимающихся проституцией, тесно связан с совершением преступлений: заражением ВИЧ, вовлечением несовершеннолетних в антиобщественную деятельность и т. д. Кроме того, среда и образ жизни лиц, задействованных в индустрии сексуальных услуг, продуцируют преступность, связанную со сбытом наркотиков, укрывательством социально опасной деятельности, соучастием в кражах, грабежах и мошеннических действиях. Незаконный бизнес в сфере проституции тесно связан с криминальным рабством и торговлей людьми: похищением девушек и детей, пригодных для занятия проституцией, их дальнейшим содержанием в притонах.

Таким образом, негативные социальные (антисоциальные) явления, связанные с преступностью, – совокупность индивидуальных и групповых (включая массовое поведение) действий людей, которые нарушают социальные нормы, принятые к исполнению в конкретное время и на определенной территории, и способствуют совершению преступлений. Ю.М. Антонян именует их криминальными фоновыми явлениями, указывая, что они, хотя и не относятся к преступным, тем не менее сами по себе представляют немалую общественную опасность, активно питают преступность, выступают в качестве ее благоприятного фона, влияют на нравственность общества в целом.

УДК 343.225.5

Т.М. Фицук

ВНЕЗАПНОСТЬ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАК ПРИЗНАК УГОЛОВНО ЗНАЧИМОГО АФФЕКТА

Определяя сферу уголовной ответственности за деяния, совершенные в состоянии аффекта, законодатель в нормах ст. 31, 141, 150 УК Республики Беларусь напрямую закрепляет внезапность возникновения в качестве обязательного признака, характеризующего психическое состояние виновного.

Вопрос о внезапности сильного душевного волнения в теории уголовного права рассматривается по-разному. Большинство ученых трактуют ее как немедленную реакцию на провоцирующее поведение потерпевшего при отсутствии временного разрыва между его противоправными действиями и ответным деянием виновного. Так, по мнению С.В. Бородина, внезапность сильного душевного волнения состоит в его немедленном возникновении в ответ на тяжкое оскорбление либо насилие. Сходную позицию занимает Л.А. Андреева, которая отмечает, что сильное душевное волнение признается внезапно возникшим, если оно проявилось сразу же как ответная реакция на противоправные действия потерпевшего. Не столь категорично мнение Э.А. Саркисовой, подчеркивающей, что внезапно возникшее сильное душевное волнение, как правило, имеет место при отсутствии разрыва во времени между противозаконными или аморальными действиями потерпевшего и совершением общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законом.

В доктрине уголовного права существует и иная позиция, допускающая возможность существования пролонгированных (кумулятивных) аффектов и, следовательно, наличия определенного разрыва во времени между обстоятельствами, вызывающими состояние аффекта, и совершением ответных действий. В контексте рассматриваемого вопроса весьма интересна позиция А.Н. Попова, который разграничивает понятия «внезапность возникновения аффекта» и «внезапность ответных действий», указывая на допустимость незначительного промежутка времени между противоправным или аморальным поведением потерпевшего и возникновением аффекта при отсутствии временного разрыва между возникновением аффекта, появлением умысла на убийство (причинение вреда здоровью) и его реализацией.

Давая оценку приведенным позициям, отметим, что для преступлений, совершенных в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, характерна следующая последовательность развития событий: провокация со стороны потерпевшего → возникновение аффекта у виновного → формирование умысла на причинение вреда жизни или здоровью потерпевшего → реализация преступного умысла. В указанной цепи событий теоретически допустимы и практически возможны определенные временные промежутки. В частности, между виктимным поведением потерпевшего и возникновением аффекта у виновного некоторая пауза может создаваться в связи с его индивидуально-психологическими особенностями, определяемыми типом темперамента, общим состоянием в момент провокации (наличие заболеваний, хроническая усталость, похмельный синдром, беременность и т. п.). Так, лица холерического темперамента чаще аффективно реагируют немедленно в ответ на провокацию, меланхолики и флегматики – по прошествии определенного времени. Некоторые соматические заболевания (например, атеросклероз) влекут повышение раздражительности и, как следствие, более резкую эмоциональную реакцию на внешнее воздействие. В то же время инфекционно-вирусные заболевания, сопровождающиеся повышением температуры, объективно обуславливают замедленное реагирование на провоцирующий фактор.

Возникший аффект, свертывая возможность реальной оценки ситуации, обуславливает направленность действий лица, переживающего эмоциональный взрыв, на устранение имеющегося раздражителя. В связи с этим умысел на причинение вреда жизни или здоровью провокатора формируется и осуществляется почти мгновенно. Между тем судебная практика фиксирует случаи, когда некоторый временной разрыв между формированием умысла и его реализацией создается в связи с совершением виновным определенных спонтанных действий (например, лихорадочное приискание подручных средств). Нередко подобные действия являются результатом аффективного состояния субъекта, отличаясь одержимостью и непрерывностью движений, направленностью на объект провокации. Это дает основание допустить наличие некоторого временного промежутка между формированием умысла и преступными действиями виновного. Следовательно, трактовка внезапности возникновения аффекта как немедленной реакции на провокацию со стороны потерпевшего безусловна с теоретической и практической точек зрения.

В научной литературе встречается мнение, что внезапность сильного душевного волнения имеет две составляющие – субъективную и объективную. По мнению Э.Л. Сидоренко, внезапность в субъективном смысле означает неожиданность аффективных проявлений для самого виновного, в объективном – их неожиданность для других лиц (потерпевшего, свидетелей). Не оспаривая выделение субъективного компонента внезапности, полагаем, что оценивать значимость его объективной составляющей следует критически, поскольку о неожиданности аффекта для присутствующих граждан можно говорить лишь в том смысле, что взрывная эмоциональная реакция (по общему правилу) не является характерной для поведенческого модуса виновного. При этом между субъективной внезапностью аффекта и его неожиданностью для провокатора и очевидцев не существует прямой зависимости: последнее никак не обуславливает первое.

В уголовно-правовой науке также существует понимание внезапности как неожиданности провокации. Так, И.О. Грунтов считает, что внезапность возникновения аффекта обусловлена неожиданным поведением потерпевшего. Как полагает Н.А. Бабий, внезапность возникновения аффекта означает, что событие, его вызвавшее, является для лица субъективно неожиданным. Безусловно, практика часто сталкивается с ситуациями, отличающимися очевидной неожиданностью провокации. Однако статистические данные свидетельствуют о значительном количестве аффективных посягательств, вызванных длительной психотравмирующей ситуацией. Поскольку в подобных случаях причиной возникновения сильного душевного волнения является кумуляция (накопление) эмоционального напряжения ввиду систематических противоправных или аморальных действий потерпевшего, внезапность аффективной реакции виновного ставится под сомнение. Считаем, что подобный подход допускает отождествление понятий «внезапность возникновения конфликта» и «внезапность возникновения аффекта». Для кумулятивной реакции не свойственна внезапность возникновения конфликта, поскольку психотравмирующая ситуация развивается постепенно, формируя у виновного абстрактное ожидание возможности новой провокации. Однако конкретное предвидение времени, формы, силы провоцирующего воздействия у него отсутствует, что, безусловно, свидетельствует о том, что очередной виктимный акт потерпевшего может быть для виновного субъективно неожиданным.

Внезапность провокации является важной, но не всеобъемлющей характеристикой внезапности сильного душевного волнения, поскольку неожиданный провокационно-поведенческий акт автоматически не влечет возникновения аффективных реакций. Сила воздействия негативных раздражителей определяется в первую очередь субъективным восприятием конфликта, лично значимым смыслом обстоятельств, в рамках которых действует виновный. В связи с этим обоснованной представляется позиция ученых, которые внезапность аффекта трактуют как резкое, интенсивное и субъективно неожиданное для лица нарастание эмоционального накала, вызванное лично значимой остроконфликтной ситуацией.

Основываясь на вышеизложенном, полагаем, что для решения вопроса о внезапности сильного душевного волнения следует исходить не столько из наличия либо отсутствия временного промежутка между противоправным или аморальным поведением потерпевшего и ответным деянием виновного, сколько из совокупности иных значимых по делу обстоятельств, в том числе имеющих субъективно значимый оттенок (индивидуально-психологические черты виновного, характер провоцирующих действий потерпевшего, особенности межличностных отношений участников конфликта, разновидности аффективной реакции).

УДК 343.226 (470 + 476)

Г.Ф. Хаметдинова

КРАЙНЯЯ НЕОБХОДИМОСТЬ В СИСТЕМЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ, ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Анализ современного зарубежного уголовного законодательства, науки уголовного права позволяет более глубоко понять право своей страны и дает возможность совершенствовать его с учетом как собственного, так и чужого опыта. В равной мере сказанное относится и к нормам, образующим институт обстоятельств исключаящих, преступность деяния.

Крайняя необходимость как обстоятельство исключаящее преступность деяния, известна законодательству обеих стран (ст. 39 УК РФ и ст. 36 УК Республики Беларусь). В то же время сама система этих обстоятельств значительно отличается.

Так, по уголовному законодательству Беларуси наряду с известными российскому законодательству необходимой обороной, причинением вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайней необходимостью, обоснованным риском и исполнением приказа или распоряжения к обстоятельствам, исключаящим преступность деяния, относятся отсутствующие в УК России ошибка в наличии обстоятельств, исключаящих преступность деяния (ст. 37 УК Республики Беларусь), и пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию (ст. 38 УК Республики Беларусь). И наоборот, в УК Беларуси не предусмотрено физическое или психическое принуждение (40 УК РФ).

Белорусский законодатель счел необходимым в одной главе с обстоятельствами, исключаящими преступность деяния, закрепить норму об ошибке в наличии таких обстоятельств.

УК Беларуси выделяет два вида ошибок в обстоятельствах, исключаящих преступность деяния:

если лицо вследствие заблуждения считало, что находится в состоянии необходимой обороны (ст. 34), крайней необходимости (ст. 36) либо осуществляет задержание лица, совершившего преступление (ст. 35), но по обстоятельствам дела не должно было